

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA



Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2024**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дьякова О. В.</i> Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье.....	7
<i>Кожевникова Д. В.</i> Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебедя из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова)	24
<i>Колобова К. А., Харевич А. В. Бочарова Е. Н., Павленок Г. Д., Жданов Р. К., Кривошапкин А. И., Мухтаров Г. А., Худжагелдиев Т. У.</i> Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций.....	41
<i>Григорьев С. А.</i> Природные катастрофы как маркеры хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке	58
<i>Цыбиктаров А. В.</i> Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров	79

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Курбанова З. И.</i> Текстильные традиции каракалпаков: курак и жырттыс в семейных обрядах.....	107
<i>Зинченко А. В.</i> Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ	125
<i>Ожередов Ю. И.</i> Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп. Аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии.....	141
<i>Щеглова Т. К.</i> Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг.	164

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Забияко А. П., Ван Цзюньчжэн.</i> Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения буддизма на территориях чжурчжэней (в бассейне Амура).....	188
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг.	211
<i>Долин В. А.</i> Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии	234

ДЛЯ АВТОРОВ	251
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, № 4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dyakova O. V.</i> Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye	7
<i>Kozhevnikova D. V.</i> The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov).....	24
<i>Kolobova K. A., Kharevich A. V., Bocharova E. N., Pavlenok G. D., Zhdanov R. K., Krivoshapkin A. I., Muhtorov G. A., Khudzhageldiev T. U.</i> Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer	41
<i>Grigoriev S. A.</i> Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age	58
<i>Tsibiktarov A. D.</i> Slab graves and kherekasures of the staraya kapcheranka i burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and kherekсур culture.....	79

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kurbanova Z. I.</i> Textile traditions of Karakalpaks: quraq and zhyrtys in family rites.....	107
<i>Zinchenko A. V.</i> The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke	125
<i>Ozheredov Yu. I.</i> Paleoselkupy “shieshgula” and selkup shoshkup. Aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography.....	141
<i>Shcheglova T. K.</i> Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–70-ths	164

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

<i>Zabiyako A. P., Wang Junzheng.</i> Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin).....	188
<i>Dashkovskiy P. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V.</i> The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s.	211
<i>Dolin V. A.</i> Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia.....	234
FOR AUTHORS	251

УДК 392

DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–06

З. И. Курбанова

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус,
Узбекистан)

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАРАКАЛПАКОВ: КУРАҚ И ЖЫРТЫС В СЕМЕЙНЫХ ОБРЯДАХ

В статье рассматриваются лоскуты ткани *жыртыс* в обрядах семейного цикла каракалпачков, а также техника лоскутного шитья *курақ* в качестве одного из популярных видов традиционного ремесла. Ритуальные лоскуты, наделенные символической нагрузкой, традиционно применялись в обрядах переходного периода, маркируя собой рубежные состояния. Традиционная техника *курақ* использовалась каракалпачками для изготовления различных предметов, включая детскую одежду, куртки *курте*, детские халаты *бала шапаны*, шапочки *топпы* и тюбетейки *такыя*. Лоскуты являлись неотъемлемым атрибутом свадебных ритуалов. Лоскутная техника применялась для создания свадебной занавеси *шымылдык*, постилочных предметов *курақ көрпеше*, постельных принадлежностей *көрпе-төсек*. Изделия с лоскутными узорами были широко распространены в быту каракалпачков, лоскутная мозаика покрывала скатерти *дәстурхан*, ухватки *тутқыш*, мешки для хранения продуктов *ун шанаиш*. Традиция раздачи лоскутов по сей день сопровождает похоронный обряд каракалпачков, где лоскут ткани приравнен раздаче имущества умершего. Исследование значения лоскутов в культуре каракалпачков позволяет утверждать, что предметы с лоскутной мозаикой наделались особой символикой, использовались при ключевых этапах жизни: рождение, свадьба и похороны. Помимо своей функциональной ценности, эти изделия сохраняли в себе мощный противовес злым силам и недобрым намерениям, а также способствовали долголетию и плодovitости.

Ключевые слова: каракалпаки, культура, традиционный *қурақ*, *жыртис*, оберег, семейная обрядность, искусство мозаичного шва

Для цитирования

Курбанова З. И. Текстильные традиции каракалпаков: *курақ* и *жыртис* в семейных обрядах // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 107–124. DOI 10.14258/10.14258/nneur(2024)4–06.

Z. I. Kurbanova

Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Nukus, Uzbekistan)

TEXTILE TRADITIONS OF KARAKALPAKS: QURAQ AND ZHYRTYS IN FAMILY RITES

The article discusses ritual Karakalpak fabric traditions, including the cloth patches — *zhyrtys* — in the rituals of the Karakalpak family cycle and the *quraq* patchwork technique, as one of the popular types of traditional craft. Ritual patches endowed with symbolism were traditionally used in rituals of the transitional period, marking the milestone state. *Quraq* was used to make various items, including children's clothing: jackets — *kurte*, children's robes — *bala shapany*, hats — *toppy* and skullcaps — *taqyya*. The patchwork technique was an essential attribute of wedding rituals and was used to create ritual wedding curtains — *shymyldyq* — bedding items — *quraq korpeshe* — and other bedding from *korpe-tosek*. Products with patchwork patterns were widespread on the daily life of the Karakalpaks: patchwork mosaics covered tablecloths *dastarkhan*, *tutqysh* grips, bags for storing food *un shanash*. The tradition of distributing patches to this day accompanies the funeral rite of the Karakalpaks, where it is equated with the distribution of the deceased's property. The study of the symbolic meaning of patches in the Karakalpak culture suggests that these items were most often used at key stages of life: birth, wedding, and funeral. In addition to their functional value, these products were endowed with the properties of a powerful counterweight to evil forces and evil intentions, and also contributed to longevity and fertility.

Keywords: Karakalpaks, culture, traditional *quraq*, *zhyrtys*, amulet, family ritual, mosaic seam art

For citation:

Kurbanova Z. I. Textile traditions of Karakalpaks: *quraq* and *zhyrtys* in family rites. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29. № 4. P. 107–124 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nneur(2024)4–06.

Курбанова Земфира Ибрагимовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, Нукус, Узбекистан. **Адрес для контактов:** sapphire71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3478-2042>

Kurbanova Zemfira Ibragimovna, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Department of Ethnography of the Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Nukus, Uzbekistan. **Contact address:** sapphire71@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3478-2042>

Введение

Традиционное лоскутное шитье имеет широкое бытование у многих народов. У каракалпаков техника лоскутного шва получила распространение под названием *курақ*. При всей ее широкой распространенности в быту народа техника *курақ*, ее место в обрядах каракалпаков до сих пор не привлекали внимание исследователей. Настоящая статья не претендует на всестороннее освещение данной проблемы, а скорее задает направление для более глубоких изысканий в этой области.

В переводе с каракалпакского языка термин «курақ» обозначает «соединение, сбор, накопление, обогащение». Несмотря на его общую положительную семантику, этот термин происходит от глагола «куруй», который означает «усыхать, умирать, уничтожаться» [Каракалпакско-русский словарь, 1958]. В казахском языке слово «*құрақ*», как и в каракалпакском, соединяет в себе взаимоисключающие значения — созидание и разрушение [Октябрьская, Сураганова, 2012: 400]. В кыргызском языке этим словом обозначают лоскуты, нитки, обрезки, а также время и возраст. Оно является производным от глагола *куре* — составлять из отдельных лоскутов, собирать, копить, богатеть, а также объединять [Юдахин, 1985: 447].

В культуре каракалпаков лоскуты представляют собой не только форму традиционного ремесла, но также являются важным компонентом ритуальных практик, глубоко интегрированных в обрядовую жизнь этноса. Значение лоскута выходит за рамки вещного мира, охватывая духовную сферу.

Продукция, созданная с применением лоскутной техники, продолжает оставаться востребованной и актуальной в современном каракалпакском обществе. В период возрождения народных промыслов женское рукоделие, связанное с лоскутной техникой, получило новый импульс развития. В технике *курақ* каракалпаки изготавливали различные виды изделий, включая детскую одежду (*курте, топпы, шапан*), ритуальную занавесь для невесты (*шымылдык*), постилки для сидения на полу (*көрпеше*), подушки (*жастык*), мешки (*ун шанаиш, керги*) и скатерти (*дәстурхан*), покрывала для детской колыбели. В настоящее время пользуются популярностью предметы приданого невесты, включающие в себя изделия, выполненные в технике *курақ*, ритуальная свадебная занавесь, покрывала на детскую колыбель. Лоскут *жыртыс* является неотъемлемой частью обрядов, связанных с похоронными практиками.

Традиционная технология формирования мозаичных узоров из разноцветных фрагментов ткани *курак* представляет собой распространенное среди каракалпакских женщин ремесло. Установить время возникновения техники лоскутного шитья у каракалпак, как и других народов Центральной Азии, представляется сложной задачей. Отсутствие достаточных исследований в данной области не позволяет установить точную хронологию возникновения этой текстильной практики. Тем не менее, основываясь на имеющихся исторических данных, можно предположить, что данная техника имеет весьма древние корни и возникла в довольно ранний период истории региона. Согласно предположениям С. П. Толстова, хлопок в Хорезмском оазисе возделывался еще в античный период [Толстов, 1962: 95–96]. Археологические находки фрагментов хлопчатобумажных тканей подтверждают это предположение. Более того, обнаружение семян хлопчатника на раннесредневековых хорезмийских памятниках Каратеппе (IV–VI вв.) и Тешиккала (VII–VIII вв.), расположенных в южных районах Республики Каракалпакстан, позволяет достоверно утверждать, что хлопчатник культивировался в Хорезмском оазисе уже в IV–VIII вв. н. э. [Baker Brite, Marston, 2013: 45–47; Неразик, 1966: 92–93].

Несмотря на отсутствие прямых источников, исследователи подтверждают, что кочевые и полукочевые народы Центральной Азии «освоили обработку и ткачество всех имеющихся в их распоряжении видов сырья: от шерсти — основного продукта их скотоводческого хозяйства и волокна дикорастущих растений до трудоемкой и технически более сложной, свойственной развитым оседлым земледельцам культуры хлопчатника» [Томина, 1989: 245].

У кыргызов ткачество представляло собой одно из давних занятий у женского населения, однако хлопчатобумажная ткань получила развитие в долинных районах юга Кыргызстана [Сулайманов и др., 2016: 196].

Что же касается казахов, то животноводческая направленность хозяйствования способствовала более интенсивному развитию домотканого сукна из верблюжьей и овечьей шерсти, хлопчатобумажную ткань, которая шла на одежду, в основном покупали [Маргулан, 1986: 235].

Из изложенного можно предположить, что развитие текстильного производства в Центральной Азии, вероятно, способствовало становлению и распространению техники лоскутного шитья в регионе. По мере совершенствования методов обработки различных волокон, таких как шерсть, хлопок и другие растительные волокна, а также освоения ткацких технологий, появлялось все больше возможностей для создания разнообразных текстильных изделий. Наличие широкого спектра тканевых материалов, в том числе небольших кусков и обрезков, могло стимулировать применение инновационных подходов к их повторному использованию и комбинированию.

В последующие периоды техника лоскутного шитья у народов Центральной Азии продолжала совершенствоваться и стала неотъемлемой частью их национальной культуры.

Развитие лоскутного шитья у кочевых народов Центральной Азии можно рассматривать в контексте двух взаимосвязанных факторов, обусловленных особенностями их традиционного образа жизни. С одной стороны, кочевой уклад характери-

зовался ограниченным доступом к материальным ресурсам, что стимулировало рациональное и эффективное использование имеющихся текстильных материалов. Лоскутное шитье позволяло утилизировать небольшие фрагменты ткани, минимизируя производственные отходы. Данная практика соответствовала потребностям кочевого быта, характеризующегося дефицитом ресурсов и необходимостью их бережного расходования.

С другой стороны, лоскутные изделия обладали рядом практических преимуществ, отвечающих специфике кочевого образа жизни. Они отличались легкостью, компактностью и удобством для транспортировки во время регулярных перекочевки. Лоскутные предметы можно было легко свернуть и перевезти, что было важно для кочевых сообществ, систематически меняющих места своего проживания. Таким образом, развитие лоскутного шитья в кочевнической среде было обусловлено как необходимостью рационального использования ограниченных ресурсов, так и практическими потребностями кочевого образа жизни.

Свидетельства мастериц подтверждали связь лоскутной техники с давними традициями, обусловленными сложными социально-экономическими условиями.

Основная концепция искусства заключается в идее «*жоқтан бар қылыў*» (букв. производить из ничего), создание продукта, обладающего более высокой ценностью. На первый взгляд его составной характер, нецелостность подтверждают эту концепцию и наводят на мысль о дефиците текстиля, где с каждым его кусочком обращались с особым вниманием и бережливостью. Однако данной практике противоречит традиция каракалпаков разрывать цельные куски ткани на лоскуты в рамках определенных обрядов. Так, например, в похоронном обряде каракалпаков куски ткани разрывают на мелкие квадратные лоскуты для раздачи присутствующим. Ранее существовала традиция разрывания цельного куска ткани на лоскуты во время свадьбы. Из лоскутов шилась детская рубашечка *ийт көйлек*.

Значение техники *курақ* в культуре каракалпаков, отношение к нему народа наиболее ярко иллюстрируется в выражении *Қарақалпақлар курақтай куралған* («Каракалпаки сотканы между собой как лоскуты *курақ*»). В данном контексте просматривается явная параллель между искусством объединения мелких фрагментов в целое и этнической структурой каракалпакского народа, состоящей из различных племен и родов. Каракалпаки и ныне сохраняют сложную родовую структуру: деление на два крупных объединения *арыс қоңырат* и *арыс он төрт урыў*. Внутри них различаются шесть крупных родов (племен) *үлкен урыў/қдұйм: қоңырат, мүйтен, қытай, қыпшақ, кенегес, манғыт*. Каждое племя делится на *урыў* (род), а роды, в свою очередь, подразделяются на более мелкую структуру — *тийре*. Все эти роды и племена объединены в единый этнический массив.

По методике выполнения лоскутных изделий можно выделить две группы: в первой группе изделия создавались путем сшивания разноцветных лоскутков квадратной и треугольной формы, которые комбинировались в разнообразные узоры, часто образуя узорные полосы и медальоны. Эти элементы затем объединялись в более крупные композиции. Во второй группе изделия формировались из длинных узких полос ткани различных цветов.

Сложные геометрические узоры, составленные из треугольных и четырехугольных фрагментов ткани, включают в себя разнообразные мотивы, такие как *сегиз ак* — композиция, где центральный квадрат из красной ткани окружен четырьмя квадратами, каждый из которых поделен на восемь черно-белых треугольников, формирующих восьмилучевые розетки. При использовании четырехугольных фрагментов ткани различных цветов формируется раппортная композиция ступенчатых прямоугольников *байыrsaқ гүл*, которая может повторяться бесконечно.

Наиболее часто используемыми цветами в *курақ* являются черный, красный, желтый, синий и зеленый. Традиционно применяется контрастное сочетание цветов: черно-белое, черно-красное, красно-синее и другие комбинации.

Использование лоскутных изделий у каракалпаков изначально наделялось глубоким символическим значением. Функции оберега, заключенные в лоскуте ткани, несли в себе положительную энергию. Этот символизм наиболее ярко проявлялся в контексте свадебной обрядности.

Свадьба представляет собой важный этап в жизни человека, символизирующий один из переходных этапов в жизни молодых людей. Подобно другим рубежным состояниям, молодые люди, вступающие в брак, нуждаются в особой защите от негативного воздействия внешнего мира. Одним из таких атрибутов, призванных оградить их, является ритуальная занавесь *шымылдық*.

Ритуальная лоскутная занавесь *шымылдық*, изготовленная из цельного полотна ткани, в верхней части имеет широкую полосу, украшенную узорами в стиле *курақ*. Эта часть занавеси называется *шымылдық кас* (брови шымылдық). Узоры состоят из различных геометрических фигур, образующих композиции, которые несут в себе не только обережные функции, но также должны способствовать плодородию и процветанию молодых. Защитные свойства лоскутов усиливались благодаря преобладанию красного цвета. Середина занавеси и его нижняя часть состоят из блестящего либо красного куска ткани. Преобладание красного цвета в данном контексте является символом энергии и жизни [Васильцов, 2007: 106].

У каракалпаков обычай укрывания невесты от посторонних глаз за ритуальной занавеской *шымылдық* практикуется в доме жениха до исполнения ритуала *беташар* (открытие лица). За *шымылдық* невеста сидит с прикрытым лицом, принимает поздравления родственников жениха, отвечая поклоном — приветствием каждому. Рядом с ней обычно находятся молодые незамужние девушки со стороны жениха, а также ее подруги. Обычай укрывания невесты от взглядов связан с желанием обеспечить ей чувство безопасности и защиты в новой среде, пока она не станет частью новой семьи.

Аналогичная занавеска *кошого* с мозаичным узором существует у кыргызов [Кочкунов, 2016: 311]. У ногайцев занавесь шилась из разных кусков тканей на подкладке, вышивалась золотыми нитками, украшалась разноцветной аппликацией, галунами. В дни свадьбы и некоторое время после нее молодуха сидела при людях за этой занавеской, защищалась от любопытных взоров. За этой же занавеской находилась постель новобрачных [Гаджиева, 1979: 95–96].

Свадебный *шымылдық* у каракалпаков обычно хранился в доме и мог использоваться только в том же качестве на другой свадьбе.

Не потерял своей актуальность *шымылдык* и в наше время. По сей день ни одна каракалпакская свадьба не обходится без ритуальной занавеси. В современных *шымылдык* наметилась тенденция отхода от традиционного декорирования. Старинные узоры и мотивы, характерные для каракалпакской культуры, подверглись изменениям, проявляясь в урезании и укрупнении элементов узора. Эти трансформации отражают изменяющиеся потребности и приоритеты в современном обществе, где скорость и эффективность зачастую ставятся выше сохранения традиций и ручного труда. Использование машинного шва обеспечивает быстрое и более эффективное выполнение работы, но при этом приводит к потере уникальности и аутентичности традиционных лоскутных узоров, которые воплощали в себе не только мастерство, но и культурное наследие, а также имели символическое значение для сообщества.

В похоронном обряде каракалпаков имело место использование ритуальной занавеси *шымылдык*, отличавшейся от свадебной. Она изготавливалась из куска белой ткани без каких-либо украшений. Хотя этот обычай практически утрачен в современности, в первой половине XX в., когда каракалпаки еще активно использовали традиционную юрту в повседневной жизни, усопшего помещали в левую часть юрты, называемую *шеп жак*, считавшейся сакрально «нечистой», и отделяли от остального пространства с помощью *шымылдык*.

Обряд был обусловлен древними представлениями о священности и чистоте определенных пространств внутри юрты. Обычай размещения тела усопшего на левой стороне от входа или за занавеской, т.е. изоляция умершего от живых, явно связан с древними представлениями о «нечистоте» мертвого тела и необходимостью его изоляции от общества живых [Есбергенов, Атамуратов, 1975: 176]. С. С. Губаева, интерпретируя данный обряд, связывает его с необходимостью убережения покойника от недобрых взглядов, злых духов [Губаева, 2001: 168]. Аналогичными функциями наделялся *кошого* (занавес) или *циновка* (*чий*) у кыргызов, выполнявший ту же роль, что и платок, закрывающий лицо покойника, а именно роль оберега от злых духов, дурного глаза [Фильструп, 2002: 105]. Таким образом, как в свадебной, так и в похоронной обрядности *шымылдык* выполнял роль оберега. Однако в контексте свадебной обрядности, помимо оберега, лоскутная мозаика должна была способствовать соединению молодоженов, а также их плодovitости.

Обеспечению плодородия и единения служили и лоскутные узоры на предметах из приданого невесты. Согласно представлениям каракалпакских женщин, использование мелких лоскутков ткани для постилочных тюфяков *көрпеше* и подушек молодоженов *жастык* символизировало их неразрывную связь и единство на всю жизнь. В этих изделиях с использованием *курак* особое внимание уделялось цвету и количеству. Например, одеяла и *көрпеше* для молодоженов обычно были красного цвета и в четном количестве. Для молодоженов полагалась не пара подушек, а одна длинная прямоугольная подушка. Такая подушка имеет в основе своей семантический смысл, заключающийся в том, чтобы молодые не расставались и прожили вместе долгую жизнь [ПМА, 2023]. Подобные представления, связанные с *курак*, существуют у таджиков, кыргызов, казахов и ряда других народов [Писарчик, Хамиджанова, 1970: 205; Губаева, 2001: 168].

В современной каракалпакской свадьбе постельные принадлежности *көрпе-төсек* с использованием *курақ* продолжают оставаться одним из главных предметов девичьего приданого *кыз жуги*. Постельные принадлежности в составе приданого состоят из 6 *курақ көрпеше*, 6 *көрпеше* с подкладкой из велюра, 4 или 6 одеял, 7 подушек, из которых 4 обычные и 2 меньшего от стандартного размера подушек, называемых *бала көпишик* / детская подушка, полагалась одна подушки для молодых, называемая *жастық*. Лоскутным узором *дастық көз*, представляющим собой крупные однорядные ромбы, составленные из мелких разноцветных лоскутков, украшаются *бала көпишик* и *жастық*. Кроме того, обязательной частью приданого является сундук, на который складываются постельные принадлежности, и покрывало, которое накидывается на сложенные постельные принадлежности. Оно тоже выполняется в технике лоскутных узоров.

Днем, когда постельные принадлежности сложены, на самый верх кладут подушки с лоскутным узором. По устоявшемуся представлению, взгляд вошедшего в комнату приковывает эта подушка, и если у него были недобрые намерения, то лоскутный узор нейтрализует их. *Көрпеше* из состава приданого, использовавшиеся в качестве постели для новобрачных, в современном быту служат постилками для сидения на полу. Они украшаются узором *ший курақ*, когда центр композиции составляет крест, от которого отходят ступенчатые ромбовидные фигуры.

Крест *атанак* — один из наиболее часто встречающихся элементов в декорировании не только лоскутной техникой, но также в других видах декоративного искусства. Фигуры в виде креста связаны с плодородием, жизненной энергией. Интересно, что именно посредством такой формы воспринимается солнечный диск и какой-либо другой локальный источник света. В представлениях древнего человека крест ассоциировался с солнцем и отходящими от него лучами, т. е. с Солнцем, дающим жизнь и ее плоды, что было тождественно культу плодородия [Карлыбаев, Курбанова, 2014: 55]. В культуре каракалпаков крест также может рассматриваться как символ защиты от злых духов и оберега от бед. Поэтому его использование в украшениях и декоре постельных принадлежностей молодоженов может иметь целью оберегать и приносить благополучие, способствовать плодородию и процветанию в браке.

В стиле *курақ*, каракалпаки создавали одежду для младенцев. Первая детская рубашка у каракалпаков называлась *ийт көйлек*. Шилась она вручную. В бока рубашки вшивались треугольные клинья *шабыў*. Ее старались шить просторной, чтобы во взрослой жизни он жил в достатке. В случае же, когда *ийт көйлек* шился узким, верили, что это станет причиной того, что он всю жизнь будет жить в нужде [Есбергенов, 1980: 101].

После сорокадневия проводился обряд *қырқынан шығарыў*, когда ребенка наряжали в *ийт көйлек*. Снятие распашонки сопровождалось обрядом, при котором в рубашку насыпали жареную пшеницу — *куўырмаш*, пшено — *сөк*, плоды лоха — *жийде*, урюка, кусочки жареного теста — *байырсақ*, после чего завязывали собаке на шею. Дети, приглашенные на проведение обряда, принимали участие в состязании, во время которого, должны были догнать собаку и снять с шеи узел с угощениями. Угощение доставалось тому, кто первым догнал собаку. Обряд связывают с идеей плодородия, пожеланием матери большого потомства. Использование проса, жареной пшеницы, джиды, урюка и их раздача детям знаменуют собой окончание периода сорокадневия. Иногда

первую рубашку и шапочку для младенца шили из старых вещей родителей. Но чаще ее готовили из условных 40 лоскутов к 40-му дню со дня рождения. С этого момента ребенка показывали посторонним, «выводили» в мир людей. Считали, что лоскутные вещи отводили дурной глаз и обманывали злые силы. Они также несли энергию добрых пожеланий и потенциал долголетия всех тех родственников, которые дарили одежду и отрезки тканей. Ориентируясь на эти свойства, к лоскутным шапочкам маленьких детей пришивали кусочки одежды стариков, которые прожили долгую счастливую жизнь [Курбанова 2021: 161].

Подобные традиции были широко распространены у тюркских народов. Например, у казахов такая одежда для младенца изготавливалась из 100 лоскутов, а у ногайцев распашонка шилась из 40 кусков материи [Керейтов, 2009: 337]. По мнению Л.А. Чвырь, помимо защитной функции, таким лоскутным изделиям приписывалось свойство способствовать усилению плодovitости [Чвырь, 1983: 131].

С использованием лоскутной техники изготавливали детскую стеганую рубашку *курте*. Она характеризуется глухим кроем, круглым воротом и длинными рукавами. Нагрудная часть украшена аппликацией, выполненной в технике *курақ*. Формируют лоскутный узор разнообразные геометрические фигуры, состоящие из сочетания красных и черных, белых и красных, а также белых и черных фрагментов ткани. Такое сочетание не только придает изделию визуальный эффект, но и обладает мощным обережным эффектом. Эта концепция подкреплена исследованиями К.С. Васильцова, который отмечает, что основными магическими амулетами, связанными с событиями в жизни ребенка, у народов Центральной Азии являются цвета белый, черный и красный [Васильцов, 2007: 104].

Курте — один из старинных видов детской одежды. Архаичность этого элемента детского костюма выражается в том, что он сшит из цельного куска ткани, перекинутого через плечи, без швов на плечах [Сухарева, 1979: 96]. Рукава сужаются книзу и вшиты в прямую пройму, а в бока вставлены трапециевидные клинья. Большинство рубашек дополнительно декорированы разными по величине квадратами, маркирующими переднее полотнище, спину и в одном случае подол изделия. Их цветовая гамма преимущественно яркая, много оттенков красного, зеленого и желтого. Основой орнаментальной системы служит квадрат. Чаще всего два или три квадрата контрастных цветов вписаны один в другой [Кубель, 2015: 183; Кубель, 2019: 112, 113]. Аналогичная детская одежда существовала у узбеков [Садыкова, 2011: 294], туркмен [Морозова, 1971: 203], таджиков [Широкова, 2002: 84] и др. Использование лоскутов на детской одежде не только маркировало рубежные этапы в жизни ребенка, но и имело важнейшие охранительные и благопожелательные функции, определяющие его дальнейшую судьбу.

Традиционным при проведении похорон был ритуал *жыртыс* (от *жыртыу* — рвать), когда семья покойного раздавала его одежду, куски ткани, продукты и деньги. В современности обряд представляет собой раздачу небольших кусков ткани либо носовых платков, который символизирует не только раздачу имущества умершего, но и завершение его земного пути.

Подобный обряд с одноименным названием существует у казахов, кыргызов, туркмен, некоторых групп узбеков и ряда других тюркских народов. Наиболее близка к ка-

ракалпакской казахская традиция раздачи *жыртыс*. Однако в отличие от каракалпаков, у казахов его использование имело более широкий диапазон распространения. *Жыртыс* раздавали на свадьбах, праздниках, связанных с рождением ребенка, а также при достижении им сорокадневного и годовалого возраста [Октябрьская, Сураганова, 2010: 436].

Происхождение традиции *жыртыс* у народов Центральной Азии также представляет определенные трудности для исследования. Изучая обычай *жыртыс* у каракалпаков, исследователь Х. Есбергенов связывает его с культом предков. Согласно его мнению, идея возрождения души умершего в потустороннем мире лежит в основе практики обмывания покойника только родственниками, а также раздачи одежды и имущества умершего *жыртыс* преимущественно среди членов рода. Считалось, что дух умершего продолжает пребывать в этих вещах или переселяется в того, кто прикасается к ним [Есбергенов, 1964: 35].

Исследователь А. Диваев, ссылаясь на слова Сейд-Джафара Асфендиярова, высказывает сомнение относительно древности традиции *жыртыс* у кыргызов. По его мнению, ткани и другие текстильные материалы с трудом проникали в глубь степи. Он считал, что обычай раздачи одежды умершего мог сформироваться в первой трети XIX в. [Диваев, 1897: 184].

Свидетельства о традиции *жыртыс* встречаются и у казахов. Так, по данным И. Г. Георги, в XVIII в. после смерти мужчины его лучшую одежду разрезали на лоскуты и раздавали его друзьям на память [Георги, 1799: 139]. А. Левшин также отмечал, что у казахов почетные гости получали в качестве подарков куски одежды умершего [Левшин, 1832: 111–112].

Из приведенных материалов мы можем сделать предположение, что порядок раздачи *жыртыс* у каракалпаков, казахов, кыргызов и других близких народов носил архаичный характер, сохраняя черты родового уклада. *Жыртыс* рассматривался как способ распределения имущества умершего среди членов рода, а также средство поддержания связи с миром предков. Культ умерших был тесно связан с представлениями о том, что душа покойного продолжает пребывать в оставленных им вещах и материальных изображениях.

Раздача *жыртыс* стойко сохраняется в похоронном обряде каракалпаков. Однако *жыртыс* раздается лишь в тех случаях, когда усопший перешагнул 60-летний рубеж. При получении поминального лоскута каракалпаки прикладывают его к лбу или проводят им по лицу со словами «*жасын берсин*» (буквально: дать дожить до этих лет). Через этот обряд происходит приобщение к благодатной силе покойного. По словам Ю. А. Рапопорта, раздача *йиртиши* в Центральной Азии позволяет стать преемником благодатных качеств почитаемого предка путем «причащения» [Рапопорт, 1971: 32, 33]. К аналогичным выводам пришла и Б. Х. Кармышева [1986: 165–166]. Исследователь Г. П. Снесарев видит в подобных обрядах реликты культа предков [1960: 140]. Подобный ритуал описан А. К. Писарчик у таджиков, где при похоронах человека, прожившего долгую жизнь и имевшего множественное потомство, наблюдались практики «стаскивания» с похоронных носилок покрывающих тканей с последующим дроблением их на мелкие куски, стремясь получить хотя бы небольшой кусочек в качестве

залога, обеспечивающего продолжительную и благополучную жизнь для его обладателя [Писарчик, 1976: 127].

«Причащение» к благодати покойного путем получения кусочков ткани во время похорон было известно многим тюркским народам Центральной Азии, и в некоторой степени сохраняется в современности [Кармышева, 1986: 165–166]. Исследователи рассматривают эту традицию в развитии, считая разрывание одежды почитаемого человека (правителя или старейшины) исходной формой ритуальной жертвы.

Подобный символизм тесно взаимосвязан с ритуалами, направленными на приобщение к магической энергии новобрачных. В своих исследованиях Н. А. Кисляков, описывая традиции свадебных обрядов таджиков, отмечает обычай разрывания и завладевания куском ткани от «подножия» новобрачных, который он определяет как обряд причащения к магической силе молодоженов. Этот кусок материи укладывается при входе жениха в дом невесты или при входе молодой в дом мужа по пути к свадебной занавеси. В рамках этого обряда новобрачные, в силу своего положения, наделены особыми свойствами, равно как и соприкасающиеся к ним предметы. Данная ткань разрывается на части молодежью с целью приближения момента собственного бракосочетания [Кисляков, 1959: 186].

В рамках свадебных обрядов *жыртыс* интерпретируется как символ присоединения к счастью молодоженов, в то время как в похоронно-поминальных обрядах предполагает приобщение к долголетию и социальному статусу ушедшего, поскольку раздача *жыртыс* на похоронах и поминках заменяла раздачу одежды усопшего. Согласно традиционным представлениям, с помощью оторванного кусочка одежды благодатная сила умершего передавалась оставшимся в живых.

Лоскутный узор украшает ряд бытовых предметов: *керги* — мешки для хранения посуды, кухонные ухватки, скатерть *дэстурхан*. Скатерть часто наделялась особой семантикой, символизировала благополучие, достаток. *Дэстурхан* представлял собой прямоугольный кусок ткани с подкладкой, который расстилали таким образом, чтобы лоскутная сторона оставалась повернутой вниз. В повседневной жизни он использовался во время приема пищи. Кроме этой функции, у *дэстурхан* было еще одно назначение — его брали с собой на мероприятия или в гости к родственникам, завернув в него дары, например, лепешки или *баўырсақ*. Чтобы скатерть не пачкалась, подстилали оберточную бумагу.

В контексте народов Центральной Азии, включая каракалпаков, *дэстурхан* можно воспринимать как сакральное место. Скатерть, символизируя стол, является местом, где не только необходимо соблюдать определенные этикетные нормы, но и сакральное отношение к самому столу. *Дэстурхан* обладает множеством символов, вокруг которых существуют строгие табу. Например, запрещено произносить негативные слова рядом с ним, пересекать его, бегать вокруг него или поднимать ногу поверх стола и тому подобное. У сурхандарьинских узбеков *дэстурхан* считался настолько священным, что во время трапезы нельзя было сидеть вокруг него без головного убора.

За *дэстурхан* собиралась семья, чтобы не только разделить пищу, но и для общения. Лоскутный узор на скатерти должен был служить единству семьи и общества. Скатерть (*қурақ дэстурхан*), сшитую из лоскутков домашней ткани, расстилавшуюся несколь-

ко раз в день, могли не стирать даже в течение нескольких лет, объясняя это поверьем, что, если часто стирать скатерть, могут исчезнуть продукты, которые обычно на ней раскладывают. Недаром и ныне каждое благословение (*патия беруі*) аксакала содержит пожелания достатка на *дәстурхан*:

*Тубиң бир болсын,
Шақаң мың болсын,
Дәстурханыңнан наның кетпесин
Табысыңның берекетин берсин.*

Использование лоскутов в ритуалах и обрядах каракалпаков, связанных с рубежными этапами, имело обережные функции, способствовало плодovitости. В рамках свадебных церемоний, так же как появление новой жизни, соединение лоскутов сопровождало и маркировало появление новых семей. Они не только выполняли функцию оберега, но также рассматривались как средство, способствующее плодovitости. В обрядах, связанных с похоронами, акт разрывания цельной ткани на мелкие лоскуты символизировал завершение земной жизни человека и передачу его благоприятных качеств другим через эти фрагменты. В рамках детской обрядности одежда с аппликацией из лоскутов, собранных с *жыртыс*, должны была способствовать передаче части счастья своих владельцев, доживших до старости, а также других его положительных качеств.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие научные выводы.

Дата возникновения техники лоскутного шитья у народов Центральной Азии остается неустановленной ввиду недостаточности исследований в данной области. Тем не менее имеющиеся исторические данные позволяют предположить, что данная текстильная практика имеет весьма древние корни. Археологические находки фрагментов хлопчатобумажных тканей и семян хлопчатника на памятниках Хорезмского оазиса, датируемых III–VIII вв. н. э., свидетельствуют о развитии текстильного производства в регионе в указанный период. Это создавало предпосылки для становления и распространения техники лоскутного шитья.

Несмотря на развитие текстильного ремесла у различных народов региона, ткачество не стало для них преобладающим занятием ввиду особенностей хозяйственной деятельности. Это обусловило высокую ценность текстиля и способствовало распространению искусства лоскутного шитья как эффективного способа утилизации небольших кусков ткани и минимизации производственных отходов.

Традиция *жыртыс*, связанная с раздачей одежды и личных вещей умершего, носила архаичный, родовой характер у каракалпаков, казахов и кыргызов. Она рассматривалась как способ распределения наследства и поддержания связи с миром предков, основываясь на представлениях о том, что душа покойного продолжает пребывать в оставленных им вещах.

Использование лоскутов в ритуалах и обрядах каракалпаков, связанных с важными жизненными рубежами, носило глубокий символический характер и выполняло обережные функции. Эта практика была тесно связана с представлениями о способности лоскутов оказывать благотворное влияние на плодovitость и жизненные силы человека.

В свадебных церемониях каракалпаков соединение лоскутов ткани символизировало и маркировало образование новой семьи, зарождение новой жизни. Лоскутные элементы не только выполняли функцию оберега, но и рассматривались как средство, способствующее плодovitости и продолжению рода.

В погребальных обрядах акт разрывания цельной ткани на мелкие лоскуты символизировал завершение земной жизни человека. Однако эти фрагменты ткани воспринимались как способ передачи благоприятных качеств умершего другим людям, что отражало представления о связи между миром живых и миром предков.

В рамках детской обрядности одежда с аппликацией из лоскутов, собранных с жыртыс, должна была способствовать передаче части счастья и других положительных качеств своих владельцев, доживших до старости, молодому поколению. Это демонстрирует глубокую веру в сакральную силу лоскутов и их способность транслировать жизненную энергию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Васильцов К. С. Цвет в культуре народов Центральной Азии // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. СПб. : Наука, 2007. Вып. 1. С. 125–170.

Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М. : Наука, 1976. 229 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени. СПб. : При императорской Академии наук, 1799. 178 с.

Губаева С. С. Путь в зазеркалье (Похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. 2001. С. 164–174.

Диваев А. А. Древнекиргизские похоронные обычаи // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1897. Т. XIV. Вып. 2. С. 181–187.

Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус : Каракалпакстан, 1975. 211 с.

Есбергенов Х. Одежда // Этнография каракалпаков XIX — начало XX века (материалы и исследования). Ташкент : ФАН, 1980. С. 57–111.

Каракалпакско-русский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 892 с.

Карлыбаев М., Курбанова З. Каракалпакский костюм : фотоальбом. Нукус : Илим, 2014. 66 с.

Кармышева Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1986. С. 139–181.

Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь : Сервисшкола, 2009. 463 с.

Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков: по материалам конца XIX — нач. XX вв. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 269 с.

- Кочкунов А. С. Свадьба // Кыргызы. Народы и культуры. М. : Наука, 2016. С. 307–322.
- Кубель Е. Л. Каракалпакская детская одежда в собрании Российского этнографического музея // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений. 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 182–188.
- Кубель Е. Л. Каракалпакский текстиль в собрании Российского этнографического музея // Кунсткамера. 2019. № 2. С. 108–119.
- Курбанова З. Каракалпакский костюм: традиции и новации. Нукус : Илим, 2021. 224 с.
- Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. Известия географические. СПб. : Типография Карла Крайя, 1832. 264 с.
- Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Художественное кошмоделие, ткачество, плетение, вышивка. Алма-Ата : Өнер, 1987. Т. 2. 288 с.
- Морозова А. С. Туркменская одежда второй половины XIX — нач. XX вв. // Труды института этнографии. Т. 97. Л. : Наука, 1971. С. 168–223.
- Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса). М. : Наука, 1966. 153 с.
- Октябрьская И. В., Сураганова З. К. Лоскуты на счастье. Вещный мир казахской культуры — живая традиция // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М. : Политическая энциклопедия, 2012. С. 399–406.
- Октябрьская И. В., Сураганова З. К. Курак и жыртис в традиционной казахской культуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. 16. С. 435–438.
- Писарчик А. К., Хамиджанова М. А. Узорные изделия из кусочков материи (*курама* или *куроқ*) // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе : Дониш, 1970. Вып II. С. 203–224.
- Писарчик А. К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе : Дониш, 1976. Вып. III. С. 118–164.
- Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. : Наука, 1971. Т. VI. 126 с.
- Садыкова Н. С. Традиционная одежда // Узбеки. Народы и культуры. М. : Наука, 2011. С. 264–303.
- Снесарев Г. П. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1960. Вып. 4. С. 134–145.
- Сулайманов Э. Ж., Сатыбалдиева Ч. Т., Султаналиева Н. И., Капалбаев О. Э. Художественные промыслы // Кыргызы. Народы и культуры. М. : Наука, 2016. С. 190–215.
- Сухарева О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 77–102.
- Томина Т. Н. Ткани в одежде кочевых и полукочевых народов Средней Азии // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1989. С. 228–252.
- Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 299 с.

Чвырь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М. : Наука, 1983. С. 124–128.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 83–88.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1985. Кн. 1. С. 447.

Baker Brite Elizabeth, Marston John M. Environmental change, agricultural innovation, and the spread of cotton agriculture in the Old World // Journal of Anthropological Archaeology, 2013, vol 32. P. 39–53 (на англ. яз.)

Давлатова С.Т. Қашқақдарё миллий кийимлари: анъанавийлик ва замонавийлик. Тошкент: Янги аср авлоди, 2006. 177 с. (на узбек. яз.).

Есбергенов Х. Қарақалпақлардың гейпара дәстүрлері хақында. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1964. 64 с. (на каракалпак. яз.).

REFERENCES

Baskakov N.A. (Ed). *Karakalpaksko-russkiĭ slovar'* [Karakalpak-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1958, 892 p. (in Russian).

Chvyr' L.A. Opyt analiza odnogo sovremennogo obriada v svete drevnevostochnykh predstavlenii [Experience in analyzing one modern rite in the light of ancient Eastern ideas. Central Asia, the Caucasus and the Foreign East in Antiquity]. *Sredniaia Aziia, Kavkaz i zarubezhnyi Vostok v drevnosti* [Central Asia, Caucasus and the foreign East in ancient times]. Moscow: Nauka Publ., 1983. P. 124–128 (in Russian).

Divaev A.A. Drevnekirgizskie pokhoronnye obychai [Ancient Kyrgyz funeral customs]. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. 1897, vol. 14, iss. 2. P. 181–187 (in Russian).

Esbergenov Kh., Atamuratov T. *Traditsii i ikh preobrazovanie v gorodskom bytu karakalpakov* [Traditions and their transformation in urban life of the Karakalpaks]. Nukus: Karakalpakstan Publ., 1975, 211 p. (in Russian).

Esbergenov Kh. Odezhda [Clothing]. *Ėtnografiia karakalpakov XIX-nachalo XX veka (materialy i issledovaniia)* [Ethnography of the Karakalpaks of the 19-early 20 century (materials and research)]. Tashkent: FAN Publ., 1980. P. 57–111 (in Russian).

Fiel'strup F.A. *Iz obriadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ceremonial life of the Kyrgyz people of the early 20 century]. Moscow: Nauka Publ., 2002, 299 p. (in Russian).

Gadzhieva S.Sh. *Material'naia kul'tura nogaitsev v XIX — nachale XX v.* [The material culture of the Nogais in the 19 — early 20 century]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 229 p. (in Russian).

Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov. Ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnostei. CHast' vtoraia o narodakh tatarskogo pelmeni* [A description of all

the peoples living in the Russian state. Their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilia. Part Two is about the peoples of the Tatar tribe]. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademii nauk, 1799. 178 p. (in Russian).

Gubaeva S. S. Put' v zazerkal'e (Pokhoronno-pominal'nyĭ ritual v obriadakh zhiznennogo tsikla) [The path through the looking glass (Funeral and memorial ritual in life cycle rites)]. *Sredneaziatskii étnograficheskii sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection]. 2001, vol. 4. P. 164–174 (in Russian).

Iudakhin K. K. *Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaia éntsiklopediia Publ., 1985, book 2, 447 p. (in Kyrgyz and Russian).

Karlybaev M., Kurbanova Z. *Karakalpakskii kostium. Fotoal'bom* [Karakalpak costume. Photo album]. Nukus: Ilim Publ., 2014, 66 p. (in Russian and Karakalpak).

Karmysheva B. Kh. Arkhaicheskaia simvolika v pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti uzbekov Fergany [Archaic symbolism in the funeral and memorial rituals of the Uzbeks of Fergana]. *Drevnie obriady, verovaniia i kul'ty narodov Srednei Azii. Istoriko-étnograficheskie ocherki* [Ancient rituals, beliefs and cults of the peoples of Central Asia. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Nauka Publ., 1986. P. 139–181 (in Russian).

Kereitov R. Kh. *Nogai'tsy. Osobennosti étnicheskoi istorii i bytvoi kul'tury* [Nogais. Features of ethnic history and everyday culture.]. Stavropol': Servisskola Publ., 2009, 463 p. (in Russian).

Kisliakov N. A. *Sem'ia i brak u tadzhikov: po materialam kontsa XIX-nach. XX vv.* [Family and marriage among Tajiks: based on materials from the late 19th — early 20 centuries]. Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ., 1959. 269 p. (in Russian).

Kochkunov A. S. Svad'ba [Wedding]. *Kyrgyzy. Narody i kul'tury* [Kyrgyzs. Peoples and cultures]. Moscow: Nauka Publ., 2016. P. 307–322 (in Russian).

Kubel' E. L. Karakalpakskaa detskaia odezhda v sobranii Rossiiskogo étnograficheskogo muzeia [Karakalpak children's clothing in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. *Lavrovskii sbornik. Materialy XXXVIII i XXXIX Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii. 2014–2015 gg.* [The Lavrov's collection. Materials of the 38-th and 39-th Central Asian-Caucasian readings. 2014–2015]. Saint-Petersburg, 2015. P. 182–188 (in Russian).

Kubel' E. L. Karakalpakskii tekstil' v sobranii Rossiiskogo étnograficheskogo muzeia [Karakalpak textiles in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. *Kunstkamera* [Cabinet of curiosities]. 2019, no 2. P. 108–119 (in Russian).

Kurbanova Z. *Karakalpakskii kostium: traditsii i novatsii* [Karakalpak costume: traditions and innovations]. Nukus: Ilim Publ., 2021. 224 p. (in Russian).

Morozova A. S. Turkmenskaia odezhda vtoroi poloviny XIX — nach. XX vv. [Turkmen clothing of the second half of the 19th — early 20th centuries.]. *Trudy instituta étnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography]. Leningrad: Nauka Publ., 1971, vol. 97, 1971. P. 168–223 (in Russian).

Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. Chast' 1. Izvestiia geograficheskie* [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes. Part 1. Geographical intelligence]. Saint-Petersburg: Tipografiia Karla Kraiia, 1832, 264 p. (in Russian).

Margulan A. Kh. *Kazakhskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. Khudozhestvennoe koshmodelie, tkachestvo, pletenie, vyshivka* [Kazakh folk applied art. Artistic wool felting, weaving, wickerwork, embroidery]. Alma-ata: Òner, 1987, vol. 2. 288 p. (in Russian).

Nerazik E. E. *Sel'skie poseleniia afragidskogo Khorezm (po materialam Berkut-kalinskogo oazisa)* [Rural settlements of Afrigid Khorezm (based on the materials of the Berkut-kala oasis)]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 153 p. (in Russian).

Oktiabr'skaia I. V., Suraganova Z. K. Loskuty na schast'e. Veshchnyi mir kazakhskoi kul'tury — zhivaia traditsiia [Patches for good luck. The material world of Kazakh culture is a living tradition]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii: programma fundamental'nykh issledovanii Prezidiuma Rossiiskoi akademii nauk* [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia: the program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences.]. Moscow: Politicheskaiia èntsiklopediia Publ., 2012. P. 399–406 (in Russian).

Oktiabr'skaia I. V., Suraganova Z. K. Kurak i zhyrtys v traditsionnoi kazakhskoi kul'ture [Kurak and zhyrtys in traditional Kazakh culture]. *Problemy arkheologii, ètnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, 2010, vol. 16. P. 435–438 (in Russian).

Pisarchik A. K. Khamidzhanova M. A. Uzornye izdeliia iz kusochkov materii (qurama ili kuroq) [Patterned products made of pieces of cloth (qurama or quroq)]. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Dushanbe: Donish Publ., 1970, vol. 2. P. 203–224 (in Russian).

Pisarchik A. K. Smert'. Pokhorony [Death. Funeral]. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Dushanbe: Donish Publ., 1976, vol. 3. P. 118–164 (in Russian).

Rapoport Yu. A. Iz istorii religii drevnego KHorezm (ossuarii) [From the history of religion of ancient Khorezm (ossuaries)]. *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition]. Moscow: Nauka Publ., 1971, vol. 6. 126 p. (in Russian).

Sadykova N. S. Traditsionnaia odezhda [Traditional clothing]. *Uzbeki. Narody i kul'tury* [Uzbeks. Peoples and cultures]. Moscow: Nauka Publ., 2011. P. 264–303 (in Russian).

Shirokova Z. A. Detskaia odezhda tadzhikov i sviazannye s neï obriady [Tajik children's clothing and rituals associated with it]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2002, no 4. P. 83–88 (in Russian).

Snesarev G. P. Materialy o pervobytnoobshchinnnykh perezhitkakh v obychaiakh i obriadakh uzbekov Khorezm [Materials on primitive communal remnants in the customs and rituals of the Uzbeks of Khorezm]. *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii* [Materialy Khorezmskoy ekspeditsii]. Moscow, 1960, vol. 4. P. 134–145 (in Russian).

Sukhareva O. A. Opyt analiza pokroev traditsionnoi “tunikoobraznoi” sredneaziatskoi odezhdy v plane ikh istorii i èvoliutsii [Experience in analyzing the cuts of traditional “tunic-like” Central Asian clothing in terms of their history and evolution]. *Kostium narodov Srednei Azii* [Costume of the peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1979. P. 77–102 (in Russian).

Sulaimanov E. Zh., Satybaldieva Ch. T., Sultanalieva N. I., Kapalbaev O. E. Khudozhestvennye promysly [Artistic crafts], *Kyrgyzy. Narody i kul'tury* [Kyrgyzs. Peoples and cultures]. Moscow: Nauka Publ., 2016. P. 190–215 (in Russian).

Tomina T. N. Tkani v odezhde kochevykh i polukochevykh narodov Srednei Azii [Fabrics in the clothes of the nomadic and semi-nomadic peoples of Central Asia]. *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Traditional clothes of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 228–252.

Vasil'tsov K. S. Tsvet v kul'ture narodov Tsentral'noĭ Azii [Color in the culture of the peoples of Central Asia]. *Tsentral'naia Aziia: Traditsiia v usloviakh peremen* [Central Asia: Tradition in the face of change]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2007, vol. 1. P. 99–134 (in Russian).

Baker Brite Elizabeth, Marston John M. Environmental change, agricultural innovation, and the spread of cotton agriculture in the Old World. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2013, vol 32. P. 39–53 (in English).

Davlatova S. T. *Qashqadarë millî kiiimlari: an'anaviilik va zamonaviilik* [Kashkadarya folk costume: traditions and modernity]. Toshkent: Iangi asr avlodi Publ., 2006, 177 p. (in Uzbek).

Esbergenov KH. *Qaraqalpaqlardyn geipara dasturleri khaqqynda* [About some traditions of the Karakalpak]. Nokis: Qaraqalpaqstan Publ., 1964, 64 p. (in Karakalpak).

Статья поступила в редакцию: 08.04.2024

Принята к публикации: 11.07.2024

Дата публикации: 24.12.2024